

В ГОСТЯХ

У

РЕМАРКА

Недавно корреспондент чехословацкого журнала «Кветы» Иржи Само посетил известного писателя Э. М. Ремарка. Вскоре беседа журналиста с писателем была опубликована. Мы перепечатаем это интервью с незначительными сокращениями.

ПОД колесами нашей машины со свистом проносится шоссе, ведущее из Асконы в Порто Ронко.

Ровно в одиннадцать мы останавливаемся у виллы, — единственной, не имеющей названия. Калитка в сад приоткрыта.

Мы спускаемся по ступенькам к открытым дверям небольшого дома. В дверях нас ожидает элеган-

тный мужчина, перешагнувший уже за седьмой десяток. Он вводит нас в просторную гостиную, одновременно являющуюся рабочим кабинетом. На стене по обеим сторонам камина висят картины с видами Венеции — любимого города нашего хозяина, — подаренные ему близким другом художником Клодом Моне.

Осматриваем комнату,

где работает тот, кто всколыхнул сознание людей всего мира своей первой антивоенной книгой.

Напротив нас в глубоком кресле сидит Эрих Мария Ремарк.

— Обстановка здесь способствует творчеству. Сколько книг вы написали в этой комнате, господин Ремарк?

— Что касается обстановки, то я хочу вам воз-

разить. Я считаю, что писатель или журналист должен работать где угодно. Если у него возник замысел — он должен уметь реализовать его в мчащемся поезде, кабачке или номере отеля. Тем не менее жить здесь приятно. Эту виллу я купил вскоре после своего бегства из Германии. Правда, во время войны я жил в Соединенных Штатах, потому что даже в нейтральной Швейцарии тогда было небезопасно. Известно ведь намерение Гитлера оккупировать эту прекрасную страну. В Порто Ронко я возвратился только в сорок восьмом году и с того времени живу здесь постоянно. Однако были такие времена, когда и тут я не чувствовал себя совершенно свободно. Я не мог никуда выезжать без разрешения — нацисты отобрали у меня паспорт, и я жил изгнанником. Знаете, не очень-то легко жить без паспорта. Позже я получил американский паспорт. Должен вам, однако, сказать, что и по сей день я чувствую искреннюю признательность к Чехословакии, которая была первой страной, предложившей мне гражданство после того, как я покинул Германию. Тогда

я не принял чехословацкого подданства — нацизм наступал, и я предчувствовал, что жить в непосредственной близости с Германией для меня опасно.

Вы спросили также о книгах, — написанных мною здесь. Насколько помню, их всего три. В том числе «Три товарища».

— Почему вы никогда не посетите Чехословакию, раз вы так тепло к ней относитесь?

— С удовольствием побывал бы у вас. Возможно, мне еще это удастся. Мой друг Рихард Катц часто рассказывал мне о стобашенной Праге. Эмиль Людвиг, мой бывший сосед по Порто Ронко, не раз говорил мне: кто не видел Праги, тот не знает, что такое красота. Меня очень привлекает возможность побывать у вас, но в настоящее время из-за болезни я не отваживаюсь уезжать отсюда. Сердце пошаливает — у меня уже было пять инфарктов. Однако я не теряю надежды, что еще побываю в вашей стране. Ведь мне только семьдесят один!

— И нам было бы очень приятно приветствовать вас у себя. Вас очень любят читатели Чехословакии. У нас

ваши книги встречают с большим интересом, их раскупают сразу после выхода в свет. Знаете ли вы, господин Ремарк, на скольких языках вышли ваши книги?

— Я не имею ни малейшего представления, на каких языках и сколько издано моих книг. Только что, на прошлой неделе, мною получен экземпляр романа «На западном фронте без перемен» в переводе на вьетнамский язык. Сам я свои книги не собираю. Будучи человеком суеверным, считаю, что писатель, который коллекционирует свои произведения, деградирует, слава слишком кружит ему голову. Единственно, чем дорожу, — двухтомным изданием «На западном фронте без перемен» для слепых. Оба тома весят более семи килограммов.

— «Триумфальная арка» — моя самая любимая книга. Не могли бы рассказать, как возник у вас образ Равика и в связи с какими обстоятельствами была написана эта книга? Это было еще в Париже?

— Я ее написал при осо-

бых обстоятельствах. Было это не в Париже, а в далекой Калифорнии, в начале войны, когда немцы и японцы, хотя речь шла об эмигрантах, не имели права после восьми часов вечера покидать свои квартиры. В те дни я очень тосковал по далекому Парижу, где, хоть и без паспорта, мог передвигаться совершенно свободно. У меня было достаточно времени в долгие калифорнийские вечера, чтобы вспомнить все эти хорошо знакомые мне места. С чувством ностальгии я взялся тогда за «Триумфальную арку».

В образе Равика собраны характерные черты трех человек. Кое-что я дал ему от себя, кое-что взято у двух моих друзей-врачей, которые, подобно мне, жили в Париже нелегально. Один из них лечил меня после первого инфаркта. Сейчас этот дорогой мне человек живет в Америке. Мы часто переписываемся. Я никогда не изучал медицину, и он помогал мне во время работы над чисто медицинскими кусками.

— Как вы попали в Соединенные Штаты?

— Это долгая история. В двадцать девятом году вышла моя первая антивоенная книга «На западном фронте без перемен». Я был тогда редактором «Sport im Bild». Незадолго до прихода к власти нацистов я оставил Германию, охваченный предчувствием, что придется не по вкусу новым хозяевам. Как уже говорил, я переселился в Швейцарию, сюда, в Порто Ронко. Но, к моему изумлению, нацисты в тридцать пятом году послали за мной своих эмиссаров с предложением самого Гитлера вернуться в рейх. Они требовали моего возвращения, потому что я был тогда, если не ошибаюсь, единственным эмигрировавшим писателем нееврейского происхождения. Они предложили мне довольно высокий пост в области культуры. Отвергнув все, я выехал в Париж, где жили мои друзья. За несколько дней до вторжения немцев во Францию я был в Антибе, курортном городке, где встретился со своим добрым

знакомым, послом Кеннеди, отцом убитого президента. Кеннеди предупредил меня о неизбежности немецкого вторжения и рекомендовал уехать за океан. Он изъявил готовность немедленно снабдить меня американской визой. После долгих размышлений я принял его предложение. В ту пору, однако, все корабли, идущие в Америку, были уже переполнены беженцами из разных стран Европы. Но, к счастью, за два дня до вторжения немцев мне удалось достать билет на пароход американской компании «Юнайтед лайнс», возвращенный кем-то в кассу в последнюю минуту. Так я оказался в США.

— Там, как известно, вы познакомились с актрисой Полетт Годар, которая впоследствии стала вашей женой. Она помогает вам в вашей творческой работе?

— Да, там я познакомился со своей женой. Должен сказать, что Полетт — образованная жена для писателя. Когда мне нужен покой, она часами может сидеть в кресле и читать, ни единым сло-

вом не отрывая меня от работы. И хотя мы вместе уже многие годы, между нами царит полное взаимопонимание, а это — наивысший дар для меня.

— Теперь мне бы хотелось на минутку отвлечься от беседы о ваших книгах. Во всем мире вы известны как убежденный антифашист и антимиитарист, и мне бы хотелось поэтому узнать ваше мнение о неонацистской партии НДП в Западной Германии. Как вы считаете, может ли в будущем фон Тадден и его партия оказать заметное влияние на политику ФРГ?

— Сегодня мир принадлежит молодежи, у которой нет ни малейшего желания участвовать в каких бы то ни было военных авантюрах. Молодежь сумеет обуздать тех, кто заинтересован в развязывании новых конфликтов. С молодежью нельзя не считаться. Это должен сознавать каждый политик. Что касается фон тадденов и ему подобных, то я считаю их идиотами и «неумными вояками». Если они вновь начнут поды-

мать головы, во мне они всегда найдут непримиримого противника.

— Последний вопрос, касающийся вашего творчества. Работаете ли вы в настоящее время над какой-нибудь книгой? Если да, то нашим читателям было бы очень интересно услышать, на какую тему.

— Да, я работаю сейчас над новой книгой. Не сердитесь на меня, если я вам ничего о ней не скажу. Знаете, я человек суеверный и потому боюсь раскрывать свой творческий замысел. Не в моей привычке говорить о своих рукописях.

Лит. газ 1970, 4 севр, №6, 106